

философия. Пропедевтикой новой философии должны стать философия Просвещения и философия Образования с ориентиром на создание образа гуманистического мировоззрения и формирование адекватной методологической культуры освоения и преобразования мира по канонам Добра, Красоты и Разума.

Новая философия, как практическая философия XXI века в единстве с политологией и социологией, должна существенно отредактировать систему координат общественного развития, усилив и реанимировав коммуникативные отношения людей, их способность к самоуправлению за счет ослабления вертикали власти и делегирования властных полномочий местному сообществу [4].

XXI век должен отказаться от модели авторитета власти и принять новую модель власти авторитета, где субъектом признания выступает не ключевая личность президента или премьера, а согласованная воля общества с ориентиром на идею гражданского общества, отдавая себе отчет, что гражданское общество это не социальный проект, а линия горизонта, по которой можно выверять вектор своего развития. В XXI веке человечество может обеспечить пролонгацию своего развития исключительно под знаком идеи гражданского общества и ее производной – гражданского согласия.

Источники и литература

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства. – Екатеринбург, 2000.
2. Вебер М. Избранное. Образ общества. – М., 1994.
3. Гражданское общество: истоки и современность / научный редактор И.И. Кальной. – СПб., 2006.
4. Кальной И.И., Шрейдер В.Ф. Самоуправление как фактор гражданского согласия. – Симферополь, 2006.
5. Слотердайд П. Критика цинического разума. – Екатеринбург, 2001.
6. Тоффлер О. Футурошок. – СПб., 1997;
7. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М., 1994.

Николко М.В.

КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩИХСЯ ДЕМОКРАТИЯХ: МОДЕРНИСТСКИЕ И ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ МОДЕЛИ

Национальное строительство на территории бывшего Советского Союза достигло максимальных «проектных мощностей». С одной стороны, демократическая политическая культура стала обыденной практикой граждан: ситуация выборов, противостояния ветвей власти, трансляция заседаний парламента – рутинные характеристики телевизионных новостей как в Украине, в Латвии, так и в Таджикистане или в Молдове. Конечно, принципы участия, возможность вовлечения в политический процесс у граждан разных стран по-прежнему остаются различной, однако, демократическая модель стала проблемой действия, а не ментальной проблемой.

Когнитивная картина гражданина любой из рассматриваемых стран характеризуется набором схожих составляющих: известные участники политического процесса, активное сотрудничество оных со СМИ, выработанные модели поведения (правилами игры). Изменения в составе элит наблюдаются, однако происходит (в большинстве случаев) по установленным и прозрачным правилам политической игры. Пришло время для осознанного строительства образа государства (не переходного типа), как для внутренних, так и для внешних акторов.

Цель данного исследования состоит в исследовании проблематики объективности существования нации и её роли в контексте государственного строительства.

Нация как объект.

Активность политической элиты и интеллектуалов в сфере демократического государственного строительства сталкивается с множеством трудностей. Первая трудность, какую демократическую модель выбрать? Разность в моделях демократии за более чем двухсотлетнюю историю модерна позволяет выделять несколько базовых моделей: либеральную (неолиберальную), консервативную и социал-демократическую модели. Каждая из которых имеет собственную историю и специфические воплощения в странах и континентах. Национальная и цивилизационная специфика существенным образом деформируют образ(ец) демократии.

Вторая, немаловажная трудность – как отвечать на вызовы глобализации и соотношение новых моделей интенсификации в сфере коммуникаций, бизнеса, социальности с традиционным национальным единством страны.

И, наконец, центральный вопрос, который тревожит умы многих интеллектуалов сегодня – есть ли нация? Другими словами, можно ли вычленить совокупность людей, отличающихся от других стереотипами, моделями поведения и более объективными характеристиками (язык, ментальными конструктами цвет кожи, разрез глаз).

Модернистский подход в строительстве государства базируется на вере в объективное существовании нации, как совокупности базовых констант: кровь (этническое родство), земля (традиционное владение территорией) и вера (религиозное единство). Однако, утверждать о целостности каждой из трех базовых составляющих на современном этапе очень сложно.

Во-первых, этапы ассимиляции, миграции этносов и полиэтническая мозаика современных государств не позволяет выделять этнос как целостность в привязке к земле. Территория так часто меняла государственную идентичность, что проследить и выявить коренной народ, проживавший на тех или иных пространствах не столько сложно, сколько бесперспективно. Факты перво-принадлежности земли могут дать прямо противоположные желаемому результаты (к примеру, если фокусировать свое внимание на принадлежности ряда крым-

ских колоний генуэзцам и т.д.) Отцы-основатели американской нации ликвидировали эту привязку самым решительным образом. Нация государственная, основные идентификационные связи выстраиваются к институтам и ценностям демократии.

Во-вторых, большая проблема коренится в понимании этноса как монолитной группы. Наиболее близким нам примером может служить внутренняя немонолитность такого, внешне консолидированного этноса, как крымские татары. Внутри этноса до сих пор не утратила значения сегрегация на южнобережных, горных и степных татар. Хотя, при внешних вызовах этнос предстает как монолитный. В этом аспекте знаменательным является соотношение диаспоры и нации. Диаспора может маркировать себя как носителя истинных ценностей, но, тем не менее, этнос, имеющий государственный статус будет воспринимать ее как отдельную группу. Интересные политические движения происходят в современной России.

Воссоздавая имперскую идеологическую доктрину на новой модернизационной базе, Российская Федерация четко действует по схеме выделения внутренних и внешних периферий. Значительная часть российских интеллектуалов осуждает подобные тенденции, однако, нельзя не признать, что на уровне обыденных коммуникаций уровень гордости за принадлежность к нации вырос. Встает вопрос, к какой именно нации: русских (этнический признак) или россиян (гражданство)? В данном контексте становится понятен тезис о внутренних и внешних перифериях России. Мультикультурные принципы работают слабо, а идеи доминантной нации вызвали мощную волну ксенофобских настроений [9].

Аспект веры входит в прямое противоречие с любой демократической моделью. Демократия позиционирует себя как в первую очередь светское государство. Попытка создать религию государственного образца (поместная церковь) наталкивается на сопротивление, как в среде верующих данной конфессии, так и из среды представителей других конфессий (в связи с неравным финансированием) и из среды атеистов.

Говоря о национальном строительстве, нельзя игнорировать тот огромный эмоциональный импульс, который охватывает все группы населения и их политических представителей в дебатах о принципах конструирования нации. Попытки удалить аффективность из сферы обсуждения национального вопроса всегда являются безуспешными. В свою очередь выявить и примирить различные (порой, прямо противоположные) политические пристрастия оказывается очень трудно. Эмоции и страсти сопровождают политический процесс национал-строительства любой страны. Рефлексия процесса национального строительства пытается скрыть эмоциональные всплески за сухими цитатами из статистики и публицистики, однако, фактор эмоционального накала и движения воле индивидуальных и коллективных акторов игнорировать (пускать на самотек) опасно.

Нация как конструктор.

Отправной точкой для пересмотра оснований национального строительства, заложенных в XVIII веке, является произведение Э. Геллнера «Нации и национализм» [3]. Сопоставляя возникновение национализма и становления индустриальной эры, ученый делает особый акцент на моменте слияния культуры и государства. Именно подобный союз способствует возникновению национализма. В традиционном социальном строе (базирующемся на низкой культуре), который далек от оформленности национальной идеологии, языки обрядов, кухни, церкви, посева и мастерской образуют автономные образования [3, с. 39]. Развитая («высокая» по определению автора) культура характеризуется единым языком, а не множеством диалектов, возможностью социальной мобильности (в том числе и в профессиональной сфере) и развитыми коммуникативно-управленческими сетями. Высокая культура является необходимым условием для возникновения и распространения национальных идей. Дисциплинарии власти выходят на иной уровень, по сравнению с традиционной культурой. Лишая индивидов множества лакунных идентификаций (родовых, сословных, территориальных, религиозных, диалектных, профессиональных), новые дисциплинарии представляют не равновесную по значимости, но сильную, концентрированную идею национального строительства.² Вера в силу нации сводит себе в качестве своеобразного спектра религиозную веру, гео- и этноидентичности.

Национальная идея, рожденная в эпоху становления индустриального общества, черпает свои основания не в объективной реальности нации, а наоборот, создает нацию. Геллнер пишет: «мертвые языки могут быть возрождены, традиции изобретены, мифическая чистота восстановлена» [3, с.126]. Тем самым, ученый сознательно отказывается от примордиалистской концепции государства-нации и его объективного основания в характеристике «народ». Продолжает эту идею и доводит ее до логической завершенности Б. Андерсон [1]. Виртуальная конструкция сообщества (community) создает ощущение нехватки, отсутствия и дискомфорта существования. Анти-бытийственность (нехватка) нации порождает мощное движение за право реализации бытия новой легитимированной общности.

Историческая реконструкция весьма вольно интерпретирует факты в зависимости от господствующей вариации национальной идеи. Кому же принадлежит первостепенная роль в поиске национальной идеи? По мнению Геллнера и Андерсона, в первую очередь выделяются работники умственного труда: историки, философы, учителя.

С этой позицией примечательно было наблюдать за бурными страстями, которые окружают поиск украинской национальной идеи. Польская исследовательница Оля Гнатюк [4] подробно проиллюстрировала этапы развития и различные вехи в сфере поиска национальной идеи в новой истории Украины. Политологи, философы, эссеисты, поэты, имеющие различную степень влияния на политическую власть, все излагали свое видение «концепции Украины». Интересно, что генеалогия этого процесса сильно обусловлена политически-

² Прекрасной иллюстрацией справедливости идей и одновременно чувства юмора Геллнера является пассаж о выдуманной нации руританцев [3, С. 132–140]

ми веяниями и пристрастиями, и не была никоим образом резюмирована ни теоретиками, ни практиками национального строительства. Широкого хождения «в народ», ни одна из приведенных идей не получила³.

Но каков путь от умозрительных конструктов горстки интеллектуалов до формирования новой сильной идентичности, способной объединить нацию? В первую очередь, через язык и сеть социовитальных коммуникаций. Детские сады, школы, университеты, церкви, больницы и суды – организационные структуры которые последовательно осуществляют политическую и культурную социализацию индивида. Канадский ученый В. Кимличка [6] свидетельствует, что изменение национальной идентификации возможно в течение одного поколения (30 лет) если социовитальные институты перешли на официальный язык.

Интересным представляется самобытный мультикультурализм Канады. Вплоть до 60-х годов XX века на территории Квебека сферы здравоохранения и образования находились под приоритетным влиянием католической церкви. Как только указанные сферы отошли в светское управление, коммуникации внутри них стали осуществляться на английском языке, а церкви стали пустеть – обнаружилась реальная угроза утраты французского языка, и, как следствие, специфической идентичности квебекуа. Активно стали возникать франкоязычные политические движения за независимость, деятельность которых во многом увенчались успехом в 80-х годах. Модель, предложенная Канадой, демонстрирует новую либеральную модель децентрализации и усиления независимости региона при первоначальной англоязычной доминанте.

Другим проектом, который с трудом можно назвать либеральным, является ближневосточная конструкция, – в современном геополитическом раскладе Израиль выделяется своей спецификой. Государство Израиль является результатом рефлексии ряда интеллектуалов над политическими событиями эпохи Просвещения и национально-освободительных течений XIX века. Это, пожалуй, самый позитивистский проект современности. Симуляционность Израиля проявляется в конвенциональном геополитическом принципе возникновения государства в современном его виде в 1949 году и предварительной дистанцированной коммуникативной конструктивности еврейских интеллектуалов всего мира. Другими словами, идея возвращения на землю обетованную (сионизм) возникшая раньше, чем появилась реальная возможность для таких практик, плюс воля лидеров стран – победительниц оформила новую государственную модель. В большинстве случаев других государств процесс нациостроительства может рассматриваться как процесс эмансипации нации из действующего государственного устройства, здесь же мы видим реализацию идеи *a posteriori*.

Монополия этноса на национальное строительство всегда была центральной позицией в руководстве Израиля. Даже классические национальные государства XVIII века не могли претендовать на подобную тотальность этноса в осуществлении государственности. Израиль по этническому составу является, пожалуй, самым гомогенным государством в мире. Вера, кровь, земля, а позднее и новый язык (иврит стал общим разговорным языком только в XX веке), объединены были в своеобразном культурно-политическом проекте под названием «сионизм».

Современное израильское общество и диаспоры евреев по всему миру разделены на два лагеря: тех, кто поддерживают сионистские настроения и их противников. Звучит довольно странно, но среди евреев немало антиссионистов. Канадский ученый Я. Рабкин [8] последовательно раскрывает причины этого конфликта и критикует (будучи сам антиссионистом) узкую державность движения. Претензия на территориальную монополию, дистанцирование от исламской культуры Востока, приводит, по мнению автора к обостренным формам ближневосточного конфликта. По мнению автора, «проект Израиль» и сионизм – это более духовное, чем державное течение. Изоляционизм Израиля на Ближнем Востоке связан с культурными, экономическими, религиозными и политическими причинами. Политика Израиля (как правило, жесткого сионистского толка) нарочито подчеркивает свою особенность. Один из характерных показателей данной позиции в культурном плане проявляется в том, что жители Израиля прекрасно знают европейские языки, но почти утратили знание языков ближайших народов. Это не способствует упрощению коммуникаций между израильянами и их соседями.

Опыт Израиля, как позитивный, так и негативный, должен учитываться идеологами новых национализмов. Политика изоляционизма (особенности-избранности) обусловлена, скорее, не этническими, но религиозными (мессианскими) претензиями. Современные глобальные перспективы сотрудничества предполагают, что коммуникативная успешность нового государства в локусе региона будет низкой, если нация формируется «от противного» (через противопоставление соседям).

Более близкая и по времени, и по месторасположению представляется польская модель. Здислав Краснодембски [7] анализирует идеологический конструкт, доминирующий в Польше с ранних девяностых по настоящее время. В нациостроительстве польские реформаторы были гораздо более последовательны и единокорны, чем украинские. И, тем не менее, посттранзитное состояние современной Польши, счастливо завершивший переход от социалистической модели к демократической, не менее проблемно, чем любой из стран постсоветского пространства. По мнению автора, заблуждение демократов Польши проявлялось в господстве веры в то, «что уже все давно решено и нужно только воплотить в жизнь готовую схему либерализма» [7, с. 229]. Перенимая модель либеральной демократии американского варианта, польские интеллектуалы сформировали вариант «перефериальной идентичности». Деструктивной эту идентичность можно назвать в силу того, что она построена на принципе подражательства, а, как известно, копия не может быть лучше оригинала.

Не вызывает сомнения, что постмодернистская модель в виде конструктивистского подхода сегодня востребована в большей степени для построения нации, чем идея примордиализма, базирующаяся на утвержде-

³ Исключением может считаться идея М. Рябчука о «Двух Украинах», получившая широкое освещение в периодической печати.

нии объективного существования этноса-нации. С 2004 года национальное строительство в Украине вышло на стадию обостренного поиска общего семиозиса. Осознавая свою цель в консолидации украинского общества, Президент опробовал несколько различных моделей: «западная – либеральная» в политической сфере (в попытке представить европейский выбор Украины, как единственно верный), проект «поместная церковь» – в сфере религиозной духовности, сейчас наиболее значимым проектом является проект «голодомор – геноцид украинского народа». Интерес к этой конструкции состоит во временной удаленности ее от текущих проблем Украины и в четкости образов «жертвы» и «палача». «Украинский народ – жертва» – сильный, но негативный коннотат. Данный семиотический конструкт базируется на четком маркировании образа врага. Эта позиция может усилить и без того сильные разбегающиеся модели смыслов в Украине. Для западной Украины голодомор нет так был актуален по последствиям (напомним, это ещё не была территория Советского Союза), но сегодня эта тема интересна как вариант пересмотра советской истории, для Восточной Украины – это страшная реальность прошлого, но есть стойкое нежелание пересматривать историю, чтобы не ухудшить отношения с Россией.

Источники и литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. – М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.
2. Воропай Т. Національна ідентичність як теоретична та практична проблема сьогодення // Розвиток демократії та демократична освіта в Україні: Матеріали II міжнародної конференції (Одеса, 24–26 травня 2002 р.). – К.: Ай Би, 2003. – С. 125–135.
3. Геллнер Э. Нации и национализм: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.
4. Гнатюк О. Прощание с империей. Между Востоком и Западом // Перекрестки. Журнал исследования восточноевропейского пограничья. – №1–2. – 2005. – С. 37–98.
5. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального / Пер. с англ.– М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. – 160 с.
6. Кимлічка В. Лібералізм і права меншин: Пер. з англ. – Харків: Центр освітніх ініціатив, 2001 – 176 с.
7. Краснодарьски З. Демократия периферии // Перекрестки. Журнал исследования восточноевропейского пограничья. – №1–2. – 2005. – С. 229–298.
8. Рабкин Я. http://www.is.svitonline.com/philosophy/Rabkin.htm#_Toc136220707
9. Локшина Т., Лукашевский С. Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ: сравнительный анализ ситуации в центральных и региональных СМИ. [Http://www.hro.org/editions/h_speech/04.html](http://www.hro.org/editions/h_speech/04.html)

Соловей Г.С.

ДЕРЖАВНЕ РЕГУЛЮВАННЯ РИНКУ ТА НЕЕКОНОМІЧНІ АСПЕКТИ ГЛОБАЛІЗАЦІЇ

Після 1945 року, коли закінчення Другої світової війни змінило вектор розвитку національних держав Європи таким чином, що усі легітимації „відповідали універсалістському духу політичного Просвітництва” (Габермас), у західному світі було забезпечено сприятливі умови для розвитку соціальної держави. В благополучних і мирних державах Західної Європи і також частково у США розвивалася економіка змішаного типу, яка дозволяла удосконалювати громадянські права і вперше ефективно реалізувати основні соціальні права. Збільшення у десять разів світової торгівлі промисловими товарами лише в період від початку 1950-х до початку 1970-х років спричинили зростання диспропорції між бідними і багатими регіонами планети. Але соціальні гарантії, які щоразу охоплювали щодалі більше аспектів життя, вперше „підкорили ефективну форму капіталізму” (Габермас), згладили соціальне напруження між різними верствами населення розвинених країн.

Уряд та ринок в межах національних держав піддаються постійному впливу від ринкової та урядової діяльності інших країн, виникає конкуренція, боротьба за політичний вплив та за ринки збуту. Щоб економіка кожної з країн була конкурентноспроможною в умовах жорсткої конкуренції, що панує у глобалізованому світі, всередині держави наприкінці ХХ століття скорочуються видатки на соціальний сектор. Перебудова і руйнування соціальної держави є прямим наслідком економічної політики, яка орієнтована на пропозицію, націлена на дерегуляцію ринків, скорочення субсидій та покращення інвестиційних умов, зниження прямих податків та приватизацію державних підприємств.

Демонтаж соціальної держави у багатьох розвинених країнах сьогодні призводить до відновлення кризових тенденцій, які долалися її засобами. Зростає бідність і соціальна нестабільність на фоні збільшення різниці в доходах, десолідаризація суспільства у довгостроковій перспективі означає руйнування ліберальної політичної культури. Соціальні права є основою демократичного громадянства – така формула є підґрунтям легітимації та джерелом розуміння справедливості в сучасному світі. На основі проведення ґрунтовного дослідження, яке охоплювало 72 країни з населенням, що складає 83 відсотки від населення земної кулі, Брюс Гілей дійшов висновку, що трьома головними джерелами легітимації для державної влади в сучасному світі є добре управ-